

— ЛЮДИ приходят в нашу профессию совершенно разные. Те, кто одарен, как говорится, от бога, обладают таким огромным запасом внутренней энергии, что их путь в искусство становится естественным, и находят такие люди свой путь также естественно и просто. У меня было и до сих пор все происходит иначе. То есть желание стать актером было давно, подсознательно оно существовало, когда еще в школе учился, но я не находил себя, не умел как-то выразить то, что было внутри, всегда был ужасно скован. К слову сказать, это ощущение до конца не прошло и сейчас. А тогда, в юности, оно рождало постоянную неуверенность, которая поначалу и повернула меня в сторону от театра, вообще от искусства.

— Ничего себе «повернула»! Просто повела в совершенно противоположную сторону — в науку.

— Ну, это очень уж решительно сказано — «противоположную», тут можно было бы и поспорить. В науке тоже ведь нередко сочиняются игры с поиском, которые приводят к неплохим результатам. Фантазия в науке — не последнее дело. Со мной было так. Окончил школу с серебряной медалью и, не найдя в себе сил и решительности потянуться к давно любимому делу, поступил на физико-математический факультет Вильнюсского университета...

— Но почему именно на этот факультет, а не на какой-нибудь гуманитарный — филологический, например, или исторический, журналистический? Наконец, искусствоведения, которое помогло бы вам больше узнать о театре, актерском труде, вообще об искусстве?

— Понимаете, я всегда любил решать какие-то задачи, не конкретно математические или физические, но вообще разгадывать какие-то загадки, искать точный ответ. И когда находил этот ответ, испытывал большую радость. Помню, как однажды во время летних каникул захватил с собой в деревню сборник задач по физике и все перерешал. Физика и математика представляют в этом смысле самые большие возможности. Но одно дело — школа. Там математика — в пределах воображаемого. А в университете я почувствовал иное. Часто не видел конкретных, конечных результатов: решение одной задачи тут же вызывало новый вопрос, ставило новую задачу, которая в свою очередь — следующую. Стала исчезать конкретность, конечность цели, и это вводило за пределы воображаемого...

— И вы испугались?

— Все нет. Просто происходило и произошло окончательно то, что, видимо, и должно было произойти в человеке, в котором постепенно и все сильнее вызревало желание не просто заниматься конкретным, но все более и более любимым делом. Выяснилось, что не ушла первая любовь. И, окончив университет, я поступил на актерский факультет.

— Прибавилось уверенности?

— Я бы не сказал. На актерском факультете педагоги были категоричными в своих оценках возможностей того или иного студента. Про одного говорили сразу: «это актер». А про меня — «едва ли что-то получится». Так что... откуда было прибавиться уверенности? Я же навью полагал, что, как только окончу учебу, сразу стану актером. Окончил и понял: не актер. Понял, что актер — это нечто большее, чем подтвержденное официальным документом звание профессионала. И тогда я, если можно так выразиться, запланировал себя на десять лет, пошел на штурм профессии.

— Это была какая-то конкретная программа? Что должны были вобрать в себя намеренные вами десять лет?

— Многие. И главное, преодоление боязни профессии, раз уж я в нее пришел. Хотел воспитать в себе способность быть динамичным, активным. Навью думал, что десять лет будет достаточно. На самом деле оказалось, что это — на всю жизнь. Помните, я говорил о том, что в физике и математике человек нередко подводит себя к каким-то запредельным туманностям, которые вызывают иногда ощущение нескончаемости поисков. Так вот в искусстве, мне кажется, происходит нечто подобное. Ведь что такое искусство драматического актера? Рассказ о человеке. А человек — всегда загадка, которую до конца не разгадать. И чтобы свести потери к минимуму, быть просто талантливым мало. Это только кажется, что талантливому человеку можно меньше работать. То есть что-то, конечно, такой человек (актер в данном случае) постигает и выражает в своем творчестве быстрее, свободнее и активнее. Но есть и немалая опасность: утвердиться в мысли, что так будет

СЕБЯ ДО СИХ ПОР ПОНЯТЬ НЕ МОГУ

Регимантас

Адомайтис,

народный артист
Литовской ССР

Мы идет с Регимантасом Адомайтисом по склону поросшего лесом холма, недалеко от подножия стоит дом, в котором живет актер. Ролей в театре и кино сыграно немало, сегодня мой собеседник — народный артист Литовской ССР, лауреат Государственной премии республики и Национальной премии ГДР.

Адомайтис говорит тихо, спокойно, почти не жестикулируя. В нем многое от детства, той прекрасной поры, когда человек не устает удивляться. Искренне, открыто, не задумываясь над тем, как это выглядит со стороны.

— Радость от сознания, что отдаешь себя делу до конца, до последней кровинки. Только так и надо. На таланте нельзя экономить.

всегда. А знаете, я, кажется, доказал вам, что искусство не такая уж противоположность науке. Это к тому, что вы сказали в самом начале нашего разговора.

— Зритель, видя актера в какой-либо роли, часто пытается узнать что-то и про самого актера, угадать его собственную человеческую сущность...

— Я понял, о чем вы хотите спросить. Мне очень понравилось высказывание моего коллеги из «Современника» Валентина Гафта о том, что он в каждой роли играет про себя, а не про какого-то другого человека, потому что нельзя найти в себе что-то, если этого чего-то в тебе нет... Что значит — трудно угадать меня в роли? Во-первых, зачем это делать? А во-вторых, я сам себя до сих пор угадать не могу. И не только в роли. А уж зрителю это и вовсе невозможно сделать.

— Но со стороны, как говорится, виднее.

— Может, и так, но не в данном случае. Собственно, я всегда разный, потому что любой человек, не только актер, видоизменяется внутренним едва ли не каждую минуту. Актеру надо только обнаружить, почувствовать в себе это разное. Такая наша профессия.

— Но если актер наделяет героя некоторыми чертами своего характера, то возможно ли обратное — воздействие персонажа на его исполнителя?

— Да, возможно, только речь может идти не о характере, привычках или манере поведения, но о духовном обогащении, более широком представлении о жизни.

— А для вас лично что такое актерство? В чисто человеческом плане?

— О, об этом можно говорить много и по

ходу размышлений «спотыкаться» о массу парадоксов.

— Например?

— Разве не парадокс, например, получать удовольствие... от переживания? Или другое. Наш труд — это уничтожение себя, отдача духовных и физических сил. А в результате... радости! Радость от... уничтожения. Как освобождение от энергии, которая потом снова начинает зарождаться и накаливаться в душе, крови. И так — каждый день!

— Извините, но о таких парадоксах «спотыкаются» ежедневно тысячи людей. Ученые, например.

— Все правильно, но вы не учитываете одну поначалу незаметную деталь. Ученый? Хорошо. Он, скажем, бьется над какой-то своей идеей, мучительно пытается нечто разгадать. Он бьется над одной идеей! Долго ли это будет продолжаться, нет, я не знаю. День, месяц, год, десять лет — никто не может сказать. А актер сегодня «уничтожен» Макбетом, завтра — Шмагой, послезавтра — дядей Ваней... Такой вот нюанс.

Тут надо, видимо, добавить, что освобождение от энергии происходит не резко, не сразу; на какое-то время остается инерция, причем такая немалая, что актер может тут же сыграть второй подряд спектакль. Вообще же все это тайна, которую никто до сих пор не разгадал. И прекрасна! А то ведь разгадают, начнут изыскивать резервы души — и конец искусству!

— Еще один парадокс. Ну, не парадокс, наверное, но непонятное, тайна. Вернее, для меня всегда остается загадкой, почему я часто играю сильных людей? Может, потому что сцена — единственное место, где я освобож-

даюсь от собственной закомплексованности и могу удовлетворить свою постоянную потребность и стремление к свободе проявления чувств? Не знаю. Но думаю, что это тоже один из парадоксов профессии актера для человеческих натур моего типа — тебе легко лишь тогда, когда ты... перестаешь быть самим собой.

Вообще же искусство актера — это, мне кажется, повод для поисков и размышлений людей многих профессий — медиков, например, или психологов... Ролан Быков рассказывал (я где-то читал), что он, когда работал в театре, начинал, случалось, спектакль с температурой около сорока градусов, а заканчивал его с нормальной. Наверное, подлинное искусство всегда требует почти неправдоподобной концентрации душевных и физических сил, только тогда может произойти невероятное, необъяснимое. В искусстве надо рисковать. Риск должен быть в природе творчества. У меня прекрасная профессия, она иногда приносит огромную радость. И хорошо, что иногда. Быть постоянно благополучным — это в нашем деле просто противопоказано.

— Как вы думаете, при каких обстоятельствах можно возненавидеть свою профессию?

— Вы разговариваете с актером, поэтому для меня странный ваш вопрос. Тут, пожалуй, я вот что могу сказать, не отвечая напрямую на ваш вопрос. Есть в театре одна вещь, которая не очень соответствует моему натуре, привычкам, моему еще с детства любимому образу жизни и работы. Даже две вещи. Первое — я люблю работать в абсолютном одиночестве, а тут все коллективно. В кино это состояние естественно обостряется, потому что на съемочной площадке постоянный шум, много команд — режиссера, оператора, звукооператора, постановщика, администрации, ассистентов... Начальников часто больше, чем подчиненных. И второе — я очень домашний человек, люблю чаще бывать дома, в Вильнюсе, в семье, у меня трое мальчишек. А профессия такая, что много приходится ездить.

— Я недавно читал в одном из интервью Олега Табакова о том, что у нас совершенно отсутствует критика мастеров.

— Он совершенно прав. Мне такое положение непонятно. Почему? Не принято, что ли? Но ведь никто не застрахован от неудач. А критики почему-то обходят острые моменты стороной. Боятся осложнений, неприятностей? Между тем неудача так же, как и удача, нормальное событие в творческой жизни актера. Нормальное!

Актер, даже маститый, не может быть вне критики. Как любой человек, который делает какое-то дело. Независимо от занимаемого положения и заслуг. Другое дело — надо соблюдать известный такт и приципиальность. Именно принципиальность. Меня однажды ввергли в недоумение уже первые слова рецензии — «как и ожидалось, работа получилась блистательной...» Почему «как и ожидалось», если сам актер не может знать заранее, какой получится его работа? Почему надо было непременно предвзвешать разбор спектакля, актерских работ, конкретной работы этим самым «как и ожидалось», возвращением, пусть мимоходом, из одной короткой фразы к прошлым заслугам маститого исполнителя? Опыт опытом, он, конечно, помогает, но ведь каждая работа у нас, актеров, начинается с нуля, с белого, как говорится, листа. В критике же часто — какие-то неуместные крайности. Иногда так пишут, что в пору памятник ставить, а иной раз так пройдут «по живому следу», что от актера и следа не остается. И то, и другое во вред, по-моему.

Потому что дезориентирует и нас, актеров, и зрителей, создает ажиотаж или, напротив, наглухо закрывает актера, прерывает интерес к нему. Спартака Мишулина однажды спросил, как он относится к критикам. Он ответил: «Очень люблю, особенно Белинского». Наверное, в профессию критика должно входить такое понятие, как понимание актерского труда, уважение к нему, безразличие к актерской судьбе. Должна быть боль. Это, именно это, по-моему, определяет подлинно творческий стиль критики, ее интонацию. Правомерность, если хотите.

— Я часто слышал от актеров: роль далась мучительно. Но вот однажды крупный и любимый зрителями актер сказал, что роль надо играть «левой ногой». Если, дескать, на первой же репетиции ничего не получается — уже никогда не сыграешь. Так ли это на самом деле?

— У каждого происходит по-разному. У меня случается так, что могу иногда буквально на первых же репетициях сразу и легко заиграть, а потом... нет, не трудности появляются, но потребность «опять» побольше, подольше поискать этого человека, поглубже. Появляется больше ходов для фантазии. Вот главное. На этом держится наше ремесло! Это определяет успех или неуспех. Еще важно, кто ты, что ты за человек — актер, исполняющий данную роль? Насколько ты талантлив, активен в своем отношении к добру и злу?

И еще один момент. Часто говорят: сегодня актер играл неважно. Так ведь это естественно! То есть я не оправдываю, не хочу «прикрыть» коллегу, но вот представьте, что бы ни случилось в жизни актера (а актер — человек, у которого все может случиться: кто-то в семье болен, кто-то умер, сам актер может оказаться больным), он должен в определенный вечерний час выйти на сцену и играть. Это считается «в порядке вещей». Но ни один актер не может вам сказать перед спектаклем, как он будет сегодня играть. И кто знает, не в этом ли одна из прелестей нашей профессии? И еще — в неповторимости каждого дня работы, каждого спектакля, каждой съемки: так, как сегодня, уже никогда не будет. И поэтому часто после спектакля или съемки испытываешь прекрасную... грусть. Но чтобы испытать такое чувство, надо быть художником, а не просто исполнителем.

— А скажите, в любой ли профессии можно быть художником?

— Совершенно уверен — в любой. Понимаете, можно быть талантливым, даже очень талантливым, но не быть художником. И даже думаю, что такая ситуация может однажды исчерпать талант. Художник — это ведь способность сострадать. Я читал у Михаила Чехова, что однажды Шаляпин после спектакля «Иван Сусанин» сидел за кулисами и плакал. Когда его спросили, почему он плачет, великий певец ответил: «Мне жаль Сусанина».

Но художник, мне кажется, должен уметь сострадать не только другим, но и... себе. Быть способным плакать о себе. Сейчас я высказал, возможно, странную и, кому-то может показаться, спорную мысль: художник не может не быть эгоистом. Это здоровое чувство, оно, как это ни парадоксально, помогает войти в мир другого человека.

Что же до вашего конкретного вопроса, то, наверное, все зависит от того, как относится человек к своему делу, какое место отводит ему в жизни других.

— Например.

— Вот вам самый простой пример из нашей повседневной жизни. Вы звоните по ОУ и просите сообщить вам телефон нужного человека. Телефонистка спрашивает вас об адресе этого человека, а вы не знаете адреса. Так вот одна телефонистка, что-то невразумительно пробормотав, отключается. А другая говорит: «Подождите, пожалуйста, я попытаюсь вам помочь». Потом диктует вам два-три номера (если передная фамилия): «Попробуйте позвонить, вдруг повезет...» Понимаете, конкретно девушка помочь не может, вы не сказали ей адреса, но она хочет сделать доброе дело. Для меня такой человек — художник. Это состояние души. Наверное, художник — это желание делать добро другим.

— Скажите, пожалуйста, вы чего-нибудь боитесь в искусстве, конкретно в театре?

— Всего боюсь. Даже дежурного в плохом настроении.

— А что вам не угрожает в театре? Вообще в искусстве?

— Совершенно точно знаю — вечность.

— А что вы за человек в жизни? Добрый, злой, оптимист, скептик? Легко ли сходиться с людьми?

— Трудно. Хотя профессионально и чисто по-человечески проявляю к людям живой интерес. А какой я человек — понятия не имею. Не верю, когда кто-то говорит о себе совершенно определенно: я такой и другим быть не могу. Мне кажется, что человек может быть самым неожиданным, и это едва ли не прекраснейшее в нем. Если б это было не так, мне лично было бы неинтересно работать в театре.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.

Фото В. Плотникова.